

В Диссертационный совет ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте
Российской Федерации»
119571, г. Москва, проспект Вернадского, д.82

ОТЗЫВ

официального оппонента

по диссертации Маргулиса Сергея Борисовича на тему «Эволюция радикального ислама как формы политического протеста в центральноазиатских республиках в поздний советский и постсоветский период (на примере Узбекистана, Таджикистана и Киргизии) по специальности 5.5.2. «Политические институты, процессы, технологии»

Вопрос о роли радикального ислама в современном мире в теоретическом плане весьма сложен, а в политическом – очень чувствителен. Литература по данной теме практически необъятна. В связи с каждым из конфликтов, где радикальный ислам в той или иной мере проявляет себя, будь то противостояния на Ближнем Востоке или в Северной Африке (Сирия, Ливия, Ливан, Палестина), в Центральной Азии (гражданская война в Таджикистане и социально-политическая реабилитация после нее), Северный Кавказ (кейсы Дагестана, Чечни, двусубъектных республик), уместно говорить об особой специфике. Эти кейсы порождают полемику (и академическую, и политическую) о природе радикального ислама, и, прежде всего, корректности, самой этой дефиниции, о способах и путях (де)радикализации. Надо отдать должное С.Б. Маргулису, который взялся за эту чрезвычайно непростую тему.

Его диссертационное исследование посвящено чрезвычайно актуальной теме. Эта актуальность определяется причинами, как научного, так и прикладного порядка. Страны постсоветской Центральной Азии переживают сложный и неоднозначный путь формирования национальной государственности, переопределения своей внутри- и внешнеполитической идентичности. В этом контексте фактор ислама невозможно недооценивать. Фактически мы можем сегодня говорить не о возрождении религии, а о масштабной реисламизации, процессе, в котором исламские правовые, этические нормы становятся честью актуальной политической повестки, а также «структур повседневности» узбеков, казахов, таджиков, киргизов. С одной стороны, возвращение к религии предков, восстановление традиций открывает народам региона возможности и для восстановления «связи времен», и для реабилитации пострадавших в прошлом служителей культа, выдающихся носителей национальной культуры. Но в то же время этот процесс чреват и опасностью распространения радикальных практик, неконвенциональных для региона представлений о том, каким должно быть «истинному мусульманину». Центральная Азия, как и Закавказье, Северный Кавказ вовлечены в процесс «исламской глобализации», когда и служители

культы, рядовые обыватели оказываются в той или иной степени вовлечены в международные процессы осмысления исламской идентичности в новых условиях, а также в конфликты. Мы видим немало примеров влияния ситуаций в Ираке, Иране, Ливии и Палестине на положение дел в странах Центральной Азии, российских регионах Поволжья и Северного Кавказа.

Таким образом, обращение С.Б. Маргулиса к теме радикального ислама в Центральной Азии оправдано, его можно только приветствовать. Как, впрочем, и фокусировку автора на отдельно взятом регионе. Все республиканские кейсы, которые он исследует, объединяет общее прошлое – сосуществование в рамках СССР, опыт государственного атеизма-секуляризма, взрывной рост интереса к исламу на фоне перестроечной либерализации, а также сложнейшие коллизии государственного строительства между светскими националистическими установками новых постсоветских образований и исламом, как важнейшим идентитарным фактором.

Следует отметить, что в научной литературе определенные акценты были сделаны на изучении таких тем, как причины и последствия региональных конфликтов, терроризм, «жесткая безопасность» в целом. И в этом контексте обращение С.Б. Маргулиса к компаративистскому исследованию трех центральноазиатских кейсов позволяет расширить исследовательское поле, обратиться к анализу проблем, не получавших ранее достаточного освещения в литературе. В особенности это касается проблем Киргизии, хуже исследованных в отечественной и в зарубежной литературе.

Работа Сергея Борисовича написана на основе широкого круга репрезентативных источников. Здесь важно отметить и материалы, содержащие выступления исламистов из стран Центральной Азии, и источники исламского права, и труды теоретиков халифата, и нормативно-правовые акты Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. Автор сумел качественно разобраться в сложной историографии вопроса, отметив как достижения, так и упущения предшественников, обращавшихся к исследуемой ею проблеме. С.М. Маргулису в целом удалось избежать субъективных оценок и поверхностных суждений, основанных на эмоциях.

Структура диссертационного исследования может также быть признана удачной. Во введении наряду с обзором литературы, источников автор четко формулирует авторскую гипотезу, определяет цели и задачи своей работы.

В первой главе диссертации Сергей Борисович рассматривает теоретические сюжеты. Он исследует место «исламского правления» в современной научной типологии политических режимов, а также показывает эволюцию политизированного ислама. Вторая глава диссертации посвящена исламскому историческому наследию Центральной Азии. Он обращается к опыту государственно-конфессиональных отношений периода Российской империи и Советского Союза, вопросам интеграции исламского населения региона в состав этих многоконфессиональных и полиэтнических образований, существовавшие тогда коллизии и опыт их решения. Третья глава является компаративистским исследованием трех кейсов –

узбекистанского, таджикистанского и киргизского в постсоветский период. В фокусе автора – генезис политического и радикального ислама в этих республиках.

В заключении соискатель подводит общие итоги своего исследования. По его оценке, в период транзита от советских республик к национальной государственности «мусульманская вера выступила консолидирующим механизмом для значительной части населения Узбекистана и Таджикистана в борьбе сначала с коммунистической партией, а затем и новыми властями» что выдвинуло исламистов на политическую авансцену. Автор показывает сложную диалектику внешнего (иностранные проповедники, носители радикальных взглядов) и внутреннего факторов (социально-экономические сложности, коррупция, поляризация), делавших востребованными исламистские настроения.

В целом автору удалось представить целостное полотно процессов реисламизации с акцентом на распространение идеологии радикального ислама в Центральной Азии в позднесоветский и постсоветский периоды.

В то же самое время работа соискателя не лишена определенных недостатков. Оговоримся сразу. Наши замечания носят полемический характер и не влияют на высокую оценку диссертации в целом.

Во-первых, автору следовало бы потратить больше времени на объяснение используемых им дефиниций. Он говорит о радикальных мусульманах. Но каковы критерии радикализма, кто судьи? Исламист, «ваххабит», радикал. По поводу этих дефиниций сломано немало копий, ученые нередко сомневаются в их приемлемости. Тот же Л.Р. Сюкияйнен говорит о том, что в самой исламской среде нет понятия «исламизм», это – часть западного дискурса (который и российские авторы в целом поддерживают). В научной и в экспертной литературе нет единого мнения по этому поводу. Но С.Б. Маргулис предлагает нам многие вещи принять по умолчанию, как некую «конвенциональную мудрость». Думается, его работа только выиграла бы, предложи, он отдельный параграф главы, который был бы своеобразным тезаурусом его исследования, объясняющим не только подходы других ученых, но и авторские интерпретации.

Во-вторых, обнаруживший хорошее знакомство с научной литературой, автор, тем не менее, упускает ряд важных работ по избранной теме. Прежде всего, речь идет об исследованиях Р. Круза «За Пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии», А. Халида «Центральная Азия: новая история от имперских завоеваний до настоящего времени», А. Рашида «Возрождение Центральной Азии: ислам или национализм?».

В-третьих, стоило бы более четко, не уходя в описание методов, прописать теоретико-методологические основы исследования.

В-четвертых, автор недостаточно аргументирует свой выбор географических рамок исследования. Сложно не согласиться с его выводами о том, что закрытость Туркмении не дает возможности для объективного академического исследования политического ислама (да и религиозных процессов в стране в целом) в ней. Но Казахстан не отнесешь к закрытым

странам, верующие мусульмане, между тем, составляют там большинство. Но почему автор «отсекает» эту страну от своего научного исследования. Каковы основания для этого? Следовало бы это специально объяснить.

Заключение:

Диссертация Маргулиса Сергея Борисовича на тему «Эволюция радикального ислама как формы политического протеста в центральноазиатских республиках в поздний советский и постсоветский период (на примере Узбекистана, Таджикистана и Киргизии)» является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей важное значение для развития политической науки и практики, что соответствует требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 и Порядка присуждения ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, утвержденного приказом ректора ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (в редакции приказа от 28 февраля 2024 года № 02-0355), а Маргулис Сергей Борисович заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата политических наук по специальности 5.5.2. «Политические институты, процессы, технологии»

Официальный оппонент,
Кандидат исторических наук,
Ведущий научный сотрудник
Института международных
исследований МГИМО МИД
России

С.М. Маркедонов

«25» февраля 2025 г.

(МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. Телефон: +7 495 229-40-49, s.markedonov@my.mgimo.ru)

